



О.В. Ланская (Липецк)

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА Л.Н. ТОЛСТОГО

В статье на примере повести «Детство», рассказа «Два старика», сказки «Три медведя» исследуются имена собственные, их функция в пространстве художественного мира Л.Н. Толстого. В ходе исследования выявлено, что имена собственные связаны с судьбой человека, его характером, с национальными и семейными традициями.

Ключевые слова: пространство, сема, лексико-тематическая группа, ключевые слова.

Имя собственное играет большую роль в жизни каждого. У славян считалось, что имя – это «персональный знак человека, определяющий его место в мироздании и социуме; мифологический заместитель, двойник» [9, с. 202], неотъемлемая его часть. Имянаречение проводилось в соответствии с определенными правилами, с соблюдением традиционных ритуалов. У древних славян человек обычно получал имя «при достижении определенного возраста, когда уже становятся ясными характер, склонности и социальная важность индивидуума» [4, с. 491].

В художественной литературе отношение к имени человека связано с народными традициями, общепринятыми нормами. В творчестве Толстого это нашло яркое подтверждение. Имя героя связано с его судьбой, характером, в нем отражаются национальные и семейные традиции, имеет оно и автобиографическую основу.

Первое произведение Толстого, повесть «Детство», начинается с определения времени, обозначения имени повествователя – Николенька Иртенъев. Для Толстого оно имеет



автобиографический характер. Это имя любимого брата писателя, а также отца его матери – Марии Николаевны.

Имя героя с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-еньк-*, Николенька, создающее атмосферу любви, семейного счастья, восходит к каноническому имени Николай, которое символизирует добро и милосердие. Николай Чудотворец, Угодник, который уже в младенчестве являл себя как образец аскетической добродетели, был известен как заступник за несправедливо осужденных, то есть «всех предстателем и заступником, всех скорбных утешителем, всех сущих в бедах прибежищем, благочестия столпом, верных поборником» [13, с. 208]. Николай Мирликийский, «великий христианский святой, прославившийся чудотворениями при жизни и по смерти» [13, с. 207], символизирует собой единение мира, так как почитали его «повсеместно в христианской Церкви, Восточной и Западной, в еретических обществах Востока и даже часто между мусульманами (на Востоке) и язычниками (в России)» [13, с. 207]. Известно, что Николай «обходит дома и поля, благословляет детей, сеет хлеб, заботится о крестьянском скоте, особенно о конях» [13, с. 208].

С именем Николая Мирлийского связана и символика числительного 3: святой избавил от смерти трех юношей, спас от позора трех девиц. Числительное 3 важно в тексте потому, что именно на третий день «сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя (по роду и подобию её ...), дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так (Бытие: I: 11), то есть появилось семя. Лат. же *sēmen* – это не только «семя», «семена», «рассада», но и «род» [14, т. II, с. 154], по смыслу – семья.

Имя матери Николеньки тоже значимо, обладает своей символикой. Ее зовут *Наталья Николаевна*. Имя *Наталья*, образованное от латинского «родная», «к рождению относящаяся, природная» [8, с. 579], характеризует пространство дома как часть мира, который основан на принципах добра, справедливости и любви.

Такое же имя носит и няня матери Николеньки – Наталья Савишна. Имя *Наталья* входит в лексико-тематическую груп-

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)



пу наряду с другими словами, характеризующими няню: *Наталья Савишна – Наталья – экономка – девка – прислуга – Наташка – горничная – няня – старуха – старушка – чудесное создание – Наша (Нашик) – красавчик – индюшечка*. При этом антропоним *Наша*, зафиксированный в «Словаре русских личных имен» [6, с. 163] является и омоформой, так как *наша* – это и притяжательное прилагательное, которое имеет следующее толкование: «то, что принадлежит нам или свойственно нам» [7, т. II, с. 417]. В тексте *наш* – это принадлежащий дому, семье. В связи с этим антропоним *Наша* имплицитно означает значения «родная», «близкая», «любимая», «дорогая», «милая», «бесценная» [1, с. 217, 471.], а также значения «дом», «семья».

Изменение имени в тексте связано с изменением отношения к героине. Так, пока Наталья Савишна не пользовалась уважением хозяев, была такой же, как и другие крепостные девушки, ее называли *девка*. Устаревшее слово *девка* обозначает крестьянскую девушку или девушку дворовую [7, т. I, с. 375]. При номинации *девка* автор использует определения *босоногая, веселая, толстая, краснощекая*, которые восходят к значению «характер», «внешний вид». В группу слов, характеризующих героиню, входят также слова *кротость* и *усердие*: «Горничная *Наташка* отмечалась в этой должности кротостью нрава и усердием» [1, с. 45]. Это связано с сообщением о том, что Наталья Савишна становится горничной. Далее, когда в тексте говорится, что героиня решила выйти замуж за официанта Фому и попросила разрешение на брак у своего барина, после чего оказалась в глухой деревне на скотном дворе, появляется имя *Наталья*. При этом используется дифференциальная сема 'бедная', с помощью которой выявляется отношение повествователя к героине [5, с. 64 – 65].

Отлучение от дома, изгнание – это трагедия для Натальи. Возвращение же в дом помещика – это новый этап в ее жизни. Отсюда появление имени собственного *Наталья Савишна* с семами 'возраст' и 'уважение', что указывает на самопожертвование, отказ от личной жизни, отсюда и появление в тексте слово *дурь*, которое обозначает чувство Натальи Савишны к Фоке: «Возвратившись в затрапезке из изгнания,



она явилась к дедушке, упала ему в ноги и просила <...> забыть ту *дурь*, которая на нее нашла [I, с. 45].

Снова Наталью Савишну называют в тексте Натальей в конце главы XIII, когда говорится об испачканной скатерти. При этом для повествователя героиня остается Натальей Савишной, а для Николеньки она превращается вновь в Наталью. И имя *Наталья* приобретает отрицательную коннотацию. На это указывает использование слов *просто Наталья* и *дерзкая*. В связи с этим возникает противопоставление «Николенька – дворовый мальчик», что реализуется в сравнении *как дворового мальчишку* [I, с. 47], в ряде глаголов и местоимений: «Наталья Савишна <...> *поймала меня* и, несмотря на отчаянное сопротивление с моей стороны, *начала тереть меня* мокрым по лицу, приговаривая: «*Не пачкай* скатертей, *не пачкай* скатертей!» [I, с. 47]; «–Наталья Савишна, *просто Наталья*, говорит мне *ты* и еще *бьет меня* по лицу мокрой скатертью, как дворового мальчишку» [I, с. 47].

Еще одна лексико-тематическая группа связана с образом отца Натальи Николаевны. В нее входят слова *дедушка – старый барин – князь – Николай Михайлович*. При этом в номинации *дедушка* имплицированы значения «барин», «помещик», «хозяин», а также «предок», то есть основатель рода [5, с. 65].

Таким образом, в тексте представлено три поколения Иртеньевых, символически связанных с исторической традицией, с преемственностью поколений, что нашло отражение в именах собственных.

Теперь обратимся к тексту рассказа Толстого «Два старика». Название произведения символично. В словосочетании *два старика* имплицитно представлено имя каждого героя – Елисей Кузьмич Бодров и Ефим Тарасыч Шевелев. По сути, данные антропонимы раскрывают характеры крестьян. Одного старика звали Елисей Кузьмич, другого – Ефим Тарасыч. Имя *Елисей* заимствовано из древнееврейского языка и обозначает следующее: ‘Бог – спасение’; ‘кого спасение Бог’ [8, с. 164]. *Кузьма* из греческого языка переводится как ‘мир, украшение’; ‘мир, порядок, мироздание’, *перен.* ‘украшение, краса, честь’; ‘заботящийся о красоте’ [8, с. 214].

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)



Ефим с греческого переводится как ‘благочестивый, священный’; ‘благодарный, благожелательный» [8, с. 170]. *Тарас* – как ‘приводить в смятение, тревожить’; ‘возбуждать, возбуждение’; ‘беспокойный’ [8, с. 328]. Перечисленные антропонимы имеют положительную коннотацию. Но если сочетание имён *Елисей* и *Кузьма* символизирует порядок, мир, веру, то сочетание имён *Ефим* и *Тарас* фиксирует понятия, несовместимые, например: «священный» и «беспокойный».

Особое символическое значение имеют и фамилии героев. *Бодров* от *бодрый* – значит ‘бдительный’, ‘усердный’ [11, т. I, с. 184]. Через *будить* – ‘будит’, ‘поучает’, ‘смышлёный’, ‘учит’, ‘узнаю’ [11, т. I, с. 230]. *Шевелев* от *шевелить*, то есть ‘двигаю’, ‘бродить’, ‘шататься’, ‘приходить в движение’ [11, т. IV, с. 420]. В основе одного имени (*Бодров*) лежит представление о человеке, стремящемся познать мир и передать свои знания другим людям, пробудить их души; другого (*Шевелев*) – представление о движении механическом, которое не освещено искренней любовью к окружающим.

Словосочетание *два старика* имплицитно означает значения «общий», «возраст», «мудрость», «глава семьи», «уважаемый человек», «два друга». Слово *старик* восходит к значениям «большой», «сильный», «важный», «мужественный», «крепкий» [11, т. III, с. 747]. В то же время данная синтаксическая единица обозначает два разных восприятия мира, две разные судьбы.

Один герой – Елисей Бодров несёт миру из своего дома любовь и добро; другой – Ефим Тарасыч Шевелев – заботу о своём собственном доме, нажитом состоянии. Вышел Елисей из своего дома «с веселым духом и как отошел от деревни, так все дела свои забыл» [X, с. 294]. Он несёт в мир радость и сам радуется. Отсюда ключевые слова *молитва*, *жизния*, словосочетание *по-божьи слово сказать*: «Идет Елисей дорогой и все сам про себя либо *молитву* шепчет, либо *жизния*, какие знает, на память твердит. А сойдется на пути с человеком со всяким норовит как бы поласковее обойтись да *по-божьи слово сказать*» [X, с. 294]. Иное состояние у Ефима: «нет у него легкости на душе» [X; 294]. Все его мысли о хозяйстве, о материальном, а не о духовном: «Не выходит у него из головы



забота про домашнее. Все поминает, что дома делается» [X, с. 294]. И если для Ефима главный интерес представляет только его собственный дом, то для Елисея дом ближнего становится его собственным домом. Когда он увидел, что люди нуждаются в помощи, то решил им помочь. Это знак христианского отношения к миру и людям.

Особую функцию выполняет имя собственное в сказке Толстого «Три медведя». В лексико-тематическую группу «семья» входят не только слова *медвежонок, медведь, медведица, отец*, но и антропонимы *Мишутка, Михаил Иванович (Михайло Иванович), Настасья Петровна*: «Один медведь был *отец*, звали его *Михаил Иванович*. <...> Другой была *медведица*. Она была поменьше, и звали ее *Настасья Петровна*. Третий был маленький *медвежонок*, и звали его *Мишутка*» [X, с. 7].

Обращает на себя внимание то, что медведей по русской традиции уважительно зовут по имени отчеству. Это связано с тем, что медведь является одним из самых почитаемых животных у славян, что это животное наряду с некоторыми другими «считалось родоначальником – *тотемом*» [2, с. 448]. Вследствие этого к нему относились с величайшим уважением. Свидетельствуют об этом материалы словарей. Так, в Словаре В.И. Даля зафиксированы фамилия, имя и отчество медведя – Михайло Ивановичъ Топтыгинъ [3, т. II, с. 311]. Синонимами слова *медведь* являются также слова *мишка, мишукъ, потапычъ*. Имя собственное свидетельствует также о том, «связь познающего с познаваемой субстанцией требует от слова уплотненности» [12, с. 270], т.е. имени, обозначает это и «стремление противопоставить раздробленности познание отвлеченного – единство, самозамкнутость и целостность познаваемого объекта» [12, с. 271].

Итак, имя собственное в творчестве Толстого связано с судьбой человека, его характером, предназначением, национальными и семейными традициями, имеет автобиографическую основу.

ЛИТЕРАТУРА

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)



1. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка. – Изд-во: Советская энциклопедия, 1968. – 602 с.
2. Аникин, В.П. Русское народное творчество: Учеб. / В.П. Аникин. – М.: Высш. шк., 2001.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2006.
4. Колесов, В.В. Слово и дело: Из истории русских слов. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – 703 с.
5. Ланская, О.В. Языковое воплощение категории соборности в творчестве Л.Н.Толстого: дом, семья, мир. Монография.– Липецк: ЛГПУ, 2009. – 196 с.
6. Петровский, Н.А. Словарь русских личных имен – М., 1984.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1985 – 1988. (МАС).
8. Тихонов, А.Н. Словарь русских личных имён / Л.З. Бояринова, А.Г. Рыжкова, А.Н. Тихонов. –М.: Школа-Пресс, 1995. – 736 с.
9. Толстая, С.М. Имя // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2 – е. – М.: Междунар. отношения, 2002. – 512 с. – С. 202 – 204.
10. Толстой, Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. – М.: Худож. лит., 1982.
11. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. – 4-е изд., стер. / М. Фасмер. – М.: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2004.
12. Флоренский, П. Имена: Сочинения. – М.: Эксмо, 2006. – 896 с.
13. Христианство: энциклопедический словарь / Под ред. С.С. Аверинцева. – М., 1995. – Т.2.
14. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Рус. яз., 2001.